

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.

А.Г. Козлова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ТИШИНЫ В ПОЭЗИИ Б.А. ЧИЧИБАБИНА

А.Г. КОЗЛОВА. ОСОБЛИВОСТІ ПРЕДСТАВЛЕННЯ ОБРАЗУ ТИШІ В ПОЕЗІЇ Б.О. ЧИЧИБАБИНА.

Метою статті є аналіз особливостей представлення образу тиші у поетичній творчості одного з найвизначніших російськомовних поетів України ХХ століття Б.О. Чичибабіна. Ця стаття продовжує цикл статей, які присвячені особливостям створення та функціонування звукових образів у поетичних текстах. Феномен тиші та його втілення у художній літературі багаторазово привертая увагу дослідників, зокрема філософів, культурологів, філологів. Образ тиші займає важливе місце у творчості Чичибабіна, набуваючи в ній глибокого філософського змісту. Регулярним при створенні образу тиші стає у Чичибабіна прийом персоніфікації, антропоморфізації: його тиша «молитвосклонённая», «безгневная», у неї «нежное касанье». Не дивно, що і кохана стає для поета відчутним втіленням тиші. Мотив, що поєднує кохання з тишею, набуває у ліриці Чичибабіна поширення і розвитку. Все справжнє, з точки зору поета, непоказове, неголосне, тихе, скромне. Тиша осмислюється Чичибабіним як вища форма звучання і у повній відповідності до російської поетичної традиції набуває позитивного значення, асоціюючись у нього з вічністю. Найвищою формою звучання, згідно світогляду поета, стає світло: звук трансформується у тишу і, піднявшись до вершин істини і досконалості, повертається у те початкове Слово, яке згадується у Новому Заповіті і з яким душа ліричного героя Чичибабіна відчуває глибинну спорідненість. Перспективу дослідження автор бачить у характеристиці особливостей представлення образу тиші у творчості інших поетів ХХ століття.

Ключові слова: образ тиші, поетична творчість Б.О. Чичибабіна, прийом персоніфікації, філософський зміст.

А.Г. КОЗЛОВА. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ТИШИНЫ В ПОЭЗИИ Б.А. ЧИЧИБАБИНА.

Целью статьи стал анализ особенностей представления образа тишины в поэтическом творчестве одного из крупнейших русскоязычных поэтов Украины ХХ века Б.А. Чичибабина. Данная статья продолжает цикл статей, посвященных особенностям создания и функционирования звуковых образов в поэтических текстах. Феномен тишины и его воплощение в художественной литературе многократно привлекал внимание исследователей – философов, культурологов, филологов. Образ тишины занимает важное место в творчестве Чичибабина, приобретая в нём глубокий философский смысл. Регулярным при создании образа тишины становится у Чичибабина приём персонификации, антропоморфизации: его тишина «молитвосклонённая», «безгневная», у неё «нежное касанье». Не удивительно, что и любимая становится для поэта телесным, осязаемым воплощением тишины. Мотив, объединяющий любовь и тишину, получает в лирике Чичибабина распространение и развитие. Всё настоящее, с точки зрения поэта, непоказное, негромкое, тихое, скромное. Тишина осмысливается Чичибабиным как высшая форма звучания и в полном соответствии с русской поэтической традицией приобретает позитивное значение, ассоциируясь у него с вечностью. Высшей формой звучания, в соответствии с мировоззрением поэта, становится свет: звук трансформируется в тишину и, поднявшись до вершин истины и совершенства, возвращается в то первоначальное Слово, которое упоминается в Новом Завете и с которым душа лирического героя Чичибабина ощущает глубинное родство. Перспективу исследования автор видит в характеристике особенностей представления образа тишины в творчестве других поэтов ХХ века.

Ключевые слова: образ тишины, поэтическое творчество Б.А. Чичибабина, прием персонификации, философский смысл.

doi.org/10.34142/2312-1572.2020.01.71.11

A.H. KOZLOVA. FEATURES OF REPRESENTATION OF THE SILENCE IMAGE IN THE POETRY OF B.A. CHICHIBABIN.

The purpose of the article is to analyze the features of the silence image representation in the poetic works of one of the largest Russian-speaking poets of Ukraine of the twentieth century, B.A. Chichibabin. This article continues the series of articles devoted to the features of the sound images creating and functioning in poetic texts. The phenomenon of silence and its embodiment in belles-lettres has attracted the attention of researchers-philosophers, culturology scientists and philologists many times. The image of silence takes an important place in Chichibabin's works, obtaining a deep philosophical meaning in it. Chichibabin's method of personification and anthropomorphization becomes regular when creating an image of silence: his silence is "prayerful", "ireless", and it has a "gentle touch". It is not surprising that the beloved becomes for the poet a corporeal, tangible embodiment of silence. The motive combining love and silence gets spreading and development in Chichibabin's lyrics. From the poet's point of view everything is present, low-key, quiet, modest. Silence is interpreted by Chichibabin as the highest form of sound and, in full accordance with the Russian poetic tradition, obtains a positive meaning, associating it with eternity.

The highest form of sound, in accordance with the poet's worldview, becomes light: the sound is transformed into silence and, having risen to the heights of truth and perfection, returns to the original Word, which is mentioned in the New Testament and with which the soul of Chichibabin's lyrical hero feels a deep kinship. The author sees the perspective of the study in the characterization of the silence image features representation in other poets' works of the twentieth century.

Key words: image of silence, B.A. Chichibabin's poetic works, method of personification, philosophical meaning.

Тишина как воплощенная тайна, как одна из первооснов бытия, которая существовала всегда, «до всего», издавна привлекает человечество. «...тишина, – пишет И.М. Некрасова, – это не просто физико-акустическое явление, она, подобно другим универсальным категориям, является составляющей частью философии мироустройства. <...> Анализ художественных тенденций эпохи дает все основания заключить, что тишина – знаковое явление не только в музыкальной культуре, но и в других видах художественного творчества» [7]. Не случайно феномен тишины многократно интерпретирован литераторами.

И сам этот феномен, и его воплощение в литературе неоднократно привлекали внимание исследователей, среди которых философы, культурологи, филологи А.А. Бондаренко, А.В. Зензери, Д.Б. Мухаметов, Л.Г. Невская, И.М. Некрасова, А. Ханзен-Лёве, М.Н. Эпштейн и др.

Целью нашей статьи стал анализ особенностей представления образа тишины в поэзии одного из крупнейших русскоязычных поэтов Украины XX века Б.А. Чичибабина.

Статья является продолжением цикла статей, опубликованных в данном журнале и посвященных особенностям создания и функционирования звуковых образов в поэтических текстах (См.: [4]; [5]; [3]).

Образ тишины занимает важное место в творчестве Чичибабина. По воспоминаниям вдовы поэта Лилии Семёновны Карась-Чичибабиной, Борис Алексеевич был человеком «негромким» и любил тишину. Она была нужна ему для внутренней сосредоточенности, погруженности в собственные размышления, тем более что «внешние» разговоры почти всегда посвящались темам, которые его мало интересовали. Даже Лилия Семёновна, понимая, что Борису Алексеевичу очень нужна эта творческая, по ее собственному выражению, «рабочая» тишина, старалась не отвлекать его пустыми разговорами, и поэтому они почти всегда шли домой молча.

Не случайно образ тишины широко представлен в поэзии Чичибабина. И, пожалуй, за исключением стихотворения «Кончусь, останусь жив ли...» («Красные помидоры»), где тишина школьных коридоров – не каникулярная, не тишина покоя, а настораживающая (они словно замерли в тревожном ожидании в сталинскую пору, да это и тишина коридоров тюремных), слово «тишина» в поэзии Чичибабина практически всегда имеет позитивную коннотацию: *Боже мой, как тихо в Коктебеле, – / только волны нежные шумят* («Коктебельская ода» (1984)) [9, с. 355] (здесь и далее выделено нами. – А.К.); *И тишина, и ясность... / Чем не рай? («Уже картошка выкопана...» (1957))* [9, с. 50]. В приведенных примерах тишина у поэта связана с общением с Богом, с божественным покоем, с раем.

В стихотворении «В лесу соловьином, где сон травяной...» о самом интимном, сокровенном поэт говорит, используя слово «тишина» в значении «вечность»: *Доверившись чуду и*

слов лишены / и вслушавшись сердцем в древесные думы, / две тёмные нити в шитье **тишины**, / светлеем и **тихнем**, свиваясь в одну, мы. <...> Присутствием близких в любви стеснена, / но пальцев ласкающих не разжимая, / ты помнишь, какая была **тишина**, / молитвосклоненная и кружевная? («В лесу соловьином, где сон травяной...») (1989) [9, с. 400–401]. Чичибабин использует к слову «тишина» эпитет *молитвосклоненная*, который является средством персонификации, антропоморфизации. За счет использования эпитетов *молитвосклоненная* и *кружевная* тишина становится зримой, визуализируется, предстает в образе склонившейся в молитве женщины в кружевной накидке.

А в стихотворении «Мы с тобой проснулись дома...» (1989) *молитвоклонный* зов, а тишина *невесомая*, ее касание *нежное*: *Мы с тобой проснулись дома. / Где-то лес качает кроной. / Без движенья, без желанья / мы лежим, обнажены. / То ли ласковая дрема, / то ли зов молитвоклонный, / то ли нежное касанье / невесомой тишины* («Мы с тобой проснулись дома...») (1989) [9, с. 401–402]. В стихотворении «Признание» (1980) тишина *безгневная*: *О, нам хотя б на грош смиренья и печали, / Безгневной тишины, безревностной лови!* («Признание» (1980)) [9, с. 324]. Можно отметить, что прием персонификации при создании образа тишины Чичибабиным используется регулярно.

В стихотворении «Нет, ты мне не жена...» (1961) Чичибабин сравнивает возлюбленную с лесной тишиной: *Ты вся, как тишина, – / телесная, лесная* [9, с. 84], любимая становится для поэта телесным, осязаемым воплощением тишины.

Мотив, соединяющий любовь с тишиной, в лирике Чичибабина получает развитие: *Мы звучим в безмолвном хоре, / как мелодия немая, / заморожены мгновеньем, / друг во друга влюблены. // В нескончаемое утро / мы плывём на лодке утлой, / и хранит нас голубое, / оттого что ты со мной, / и, ложась зарёй на лица, / возникает и творится / созидаемый любовью / мир небесный и земной* («Мы с тобой проснулись дома...») (1989) [9, с. 401–402]. В данном случае поэт прибегает к использованию оксюморонов *звучим в безмолвном хоре* и *мелодия немая*, которые позволяют предположить, что тишина осмысливается им не как полное отсутствие звука, а как высшая форма звучания, воплощение любви, тайны бытия и гармонии мира.

Мотив, соединяющий любовь с тишиной, находит воплощение и в стихотворении «Воспоминание» (1984), где поэт признаётся: *...и под разверзшеюся твердью / нас тихо полнила любовь / друг к другу, к миру и бессмертью / в сокрытой выси голубой* [9, с. 361].

А в стихотворении «В лесу, где веет Бог, идти с тобой неспешно...» (1990) поэт признаётся: *Какое счастье знать, что мне дано во имя / твоё в лесу твоём лишь верить и молчать! / Чем истинней любовь, тем непреодолимей / на любящих устах безмолвия печать* [9, с. 408]. Этот пример напоминает о том, что мотив тишины связан с мотивом молчания, на что неоднократно обращали внимание исследователи литературы (например: [8]).

Можно заметить, что все настоящее, с точки зрения поэта, непоказное, негромкое, тихое, скромное, и *...правда не была криклива, / у правды – скромное жильё, / но вся земля ее прикрыла, / и все услышали ее* («Одoleвали одолобы...») (1962) [9, с. 115]. Все истинно ценное не крикливо и не только не требует громкого звука, а, пожалуй, и звучания в обыденном понимании вообще, как и слов: *...и добрый друг, так родственно молчаливый, / сидит с тобой у доброго огня* («Неужто все и впрямь темно и тошно...») (1964) [9, с. 127]. И Божий зов не ассоциируется у поэта со звуком, его можно услышать только в тишине: *О как нас Бог зовет! А мы не слышим зова* («Признание» (1980)) [9, с. 325]; *Всё тише, всё обыкновеннее / я разговариваю с Богом* [9, с. 145] («Меня одoleвает острое...») (1965). А в стихотворении «О, дай нам Бог внимательных бессонниц...» (1980) сама душа лирического героя *блаженная и немая* [9, с. 322].

В стихотворении «Розы и соловьи» (1984) используется оксюморон *...говорят безмолвные пророки / о том, что минут царствия и сроки / и мир спасётся вечной красотой...* [9, с. 364], который является еще одним ярким подтверждением мысли о том, что общение с высшими силами, «разговор» с ними, происходит в тишине и безмолвии, звуками беззвучными.

И даже слова, стихи поэту Богом *внушаются*, а не проговариваются, не звучат, а из Божественной тишины услышанные поэтом озвучиваются: *И стану в отчаянье, зюзя из зюзь, / стучать по стаканам / с надменной надеждой: авось откуплюсь / стихом покаянным. // Упершись локтём в ненадёжность стола, / в обличье убогом, / провою его, забывая слова, / внушённые Богом* («9 января 1980 года») [9, с. 315]. Тишина в сердце, в душе является признаком полной гармонии с собой и с миром, поэтому ее отсутствие в сердце так беспокоит лирического героя: *А свечи святые давно сожжены / под серую сенью, / и в сердце волнуемом нет тишины, / и нет мне прощенья* [9, с. 316].

Почему именно тишина? Что такое тишина, с точки зрения поэта? Нам представляется, что максимально приближает к ответу на этот вопрос стихотворение «Сияние снегов», в котором мотив тишины, обозначившись в первой строфе (*Какая в мире тишина! / Какой на небе свет!* [9, с. 308]), получает развитие в связи с идеей святого благословения и благодати: *О, стыдно в эти дни роптать, / отчаиваться, клясть, / когда почит благодать / на чаявших упасть! // В морозной сини белый дым, / деревья и дома – / благословением святым / прощает нас зима. <...> Земля простила всех иуд, / и пир любви не скуп, / и в небе ангелы поют, / не разжимая губ. <...> / И в жизни не было разлук, / и в мире смерти нет, / и серебрет в слове звук, / преображённый в свет* [9, с. 308]. Последние строки позволяют сделать вывод, что, с точки зрения поэта, высшей формой звучания становится свет. Звук теряет привычные земные характеристики – звучание – и, трансформировавшись, обернувшись тишиной, поднявшись до вершин истины и совершенства, становится зримым – *серебрет*, преобразуется в свет, соотносится с понятием тишины, возвращается в то первоначальное Слово, которое, упоминается в Новом завете: ¹*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.* ²*Оно было в начале у Бога.* ³*Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.* ⁴*В Нем была жизнь, и жизнь была свет* *человеков.* ⁵*И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Иоанна 1:1-5) [2]. И над всем этим глубокая вера христианина в то, что *в мире смерти нет*, что есть возвращение к началу – свету, Слово, Богу. Как отмечает С.С. Аверинцев, начало – «нечто большее, нежели временная категория *Big Bang*, темпоральная точка отсчёта, момент 0, исходный пункт физической длительности. <...> Слово Божие <...> ...являет Собою также “формальную” и “целевую” причину сущего, как “Главное” – Первообраз первообразов и Цель целей» [1, с. 816–817]. Наверное, потому в стихотворении «О, когда ж мы с тобою пристанем...» (1974) тишина характеризуется эпитетом *родная душе* [9, с. 239]. Душа лирического героя ощущает это изначальное, Божественное родство.

А в стихотворении, написанном к 60-летию юбилею, «9 января 1983 года (*Когда мне стукнуло шестьдесят*)» мотив тишины в сердце, в душе получает развитие: *Спасибо всем, кто в этот час со мной, / кого я смог, кого не смог собрать я! / Ох, как я полон жизнью земной! / В ней нет чужих, все – сестры лишь да братья. / Чем тоньше нить, тем тише и светлей / в душе моей, и вся она – любовь к вам* [9, с. 344]. Душа поэта, достигшая такого состояния – тишины и просветления (звук преобразился в свет!), ставшая вся воплощённой любовью к ближнему, по его собственному определению, – *воробышек и Бог, / и дуб в лесу, и Будда в Гималаях* [9, с. 344], расширилась буквально до вселенских масштабов, вместив в себя весь мир Божий.

Мотив тишины и молчания является ключевым в стихотворении «Ода тополям» (1978). Этот вопрос рассматривался нами в статье «Звуковые образы в лирике Б.А. Чичибабина» [3, с. 50–51], поэтому остановимся лишь на наиболее важных моментах. Тишина в этом стихотворении является не просто атрибутом тополей, но их квинтэссенцией, их сущностной характеристикой. Употребление слова *немота* по отношению к тополям выполняет роль маркера интертекстуальности, отсылая к строкам из стихотворения О. Мандельштама «*Silentium*» (1910): *Да обретут мои уста / Первоначальную немоту, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста!* [6, с. 28], а через них – к тютчевскому *Мысль изреченная есть ложь* (Ф.И. Тютчев «*Silentium!*» (1830)). (Связь этих текстов с чичибабинскими не вызывает сомнений, она косвенно подтверждается самим поэтом в стихотворении «*Меня одолевает острее...*»: *Ни с кем не пью, не философствую, / забыл и знать, как сердце влюбчиво. / Долбаю землю пересохишую / да перечитываю Тютчева* [9, с. 144].)

Таким образом, *немота* тополей – первоначальная, первородная, восходящая к самим истокам творения. Божественную тишину как голос вечности Чичибабин противопоставляет шуму как началу мирскому, суетному, преходящему: *...нам свойствен шум, а тополя молчат, / полным-полны значенья и звучанья* [9, с. 301]. Эти строки еще раз подтверждают нашу мысль о том, что тишина у поэта (в данном случае *немота* тополей) не есть отсутствие звука, звучания, она выступает как философская категория, осмысливается как высшая форма звучания, воплощение тайны бытия и гармонии мира. А молчание, в отличие от тишины, может быть связано как с вечным, непреходящим, высшим, так и с сиюминутным, мирским, суетным: *...мы и молчим о судьбах государств, / а тополя – о Вечности и Боге* [там же]. Приём антитезы, который используется в данном фрагменте, играет важную роль в стихотворении в целом и особенно ярко проявляет себя в последней строфе: *Алчба и страх снедают нашу плоть, / а тополя добры и неподвижны. / Галдят пророки – но молчит Господь, / и – внутрь себя – тиха улыбка Вишны* [там же].

Подытоживая сказанное, отметим, что тишина осмысливается Чичибабиным как высшая форма звучания и в полном соответствии с русской поэтической традицией приобретает в его лирике позитивное значение. Употребление слова «тишина» с негативной коннотацией вообще довольно редко встречается в русской поэзии. (Обычно для отрицательной характеристики используются постоянные эпитеты «мертвая» или «гробовая» тишина.)

Тишина у поэта ассоциируется с вечностью. Высшей формой звучания, согласно мировоззрению поэта, становится свет: звук трансформируется в тишину и, поднявшись до вершин истины и совершенства, преобразуется в свет, соотносясь с понятием тишины, возвращается в то первоначальное Слово, которое, упоминается в Новом завете и с которым душа лирического героя Чичибабина ощущает глубинное родство.

Перспективу исследования мы видим в характеристике звуковой палитры и особенностей представления образа тишины в творчестве других поэтов XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Слово Божие и слово человеческое // Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София–Логос. Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 816–830.

2. Библия Онлайн. Русский синодальный перевод православная редакция. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst78/jhn-1.1-5/>.

3. Козлова А.Г. Звуковые образы в лирике Б.А. Чичибабина. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 3(69). С. 47–52.

4. Козлова А.Г. Музыка в лирике Булата Окуджавы *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2018. № 3(65). С. 41–46.

5. Козлова А.Г. Музыка в поэзии Юрия Левитанского. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 2(68). С. 39–44.

6. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2001. 736 с. (Б-ка поэта).

7. Некрасова Инна. «Целая вселенная...»: к проблеме исследования поэтики тишины. *ГЭЗета №3*. URL: <http://soundmuseumpb.ru/gezeta/42-articles/1202-inna-nekrasova>. (Дата обращения: 21.01.2020).

8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Барзаха; науч. ред. А.В. Лавров. СПб.: Академический проект, 1999. 507 с.

9. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / Сост. Л.С. Карась-Чичибабина; Вступ. ст. С.Н. Буниной; Коммент. Л.С. Карась-Чичибабиной, С.Н. Буниной. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.

REFERENCES

1. Avierintsiev S.S. Slovo Bozhie I slovo chieloviechieskoie // Avierintsiev S.S. Sobraaniie sochinienii / Pod ried. N.P. Avierintsievoi I K.B. Sigova. Sofiiia–Logos. Slovar. K.: DUKH I LITIERA, 2006. S. 816–830.

2. Bibliia Onlain. Russkii sinodalnui pierievod pravoslavnaia riedaktsyia. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst78/jhn-1.1-5/>.

3. Kozlova A.H. Zvukovyie obrazy v lirikie B.A.Ghighibabina. *Russkaia filologiia. Viestnik Kharkovskogo natsionalnogo piedagogichieskogo univiersitieta imieni G.S. Skovorody*. 2019. № 3(69). S. 47–52.

4. Kozlova A.H. Muzyka v lirikie Bulata Okudzhavy. *Russkaia filologiia. Viestnik Kharkovskogo natsionalnogo piedagogichieskogo univiersitieta imieni G.S. Skovorody*. 2018. № 3(65). S. 41–46.

5. Kozlova A.H. Muzyka v poezii Yuriia Lievitanskogo. *Russkaia filologiia. Viestnik Kharkovskogo natsionalnogo piedagogichieskogo univiersitieta imieni G.S. Skovorody*. 2019. № 2(68). S. 39–44.

6. Mandelshtam O. Stikhotvorieniia. Proza / Sost., vstup. st. i kommentarii M.L. Gasparova. M.: ООО “Izdatielstvo AST”, Kharkov: Folio, 2001. 736 s. (B-ka poeta).

7. Nekrasova Inna. "Tsielaia vsieliennaia...": k problemie issliedovaniia poetiki tishiny. *GGEZeta* №3. URL: <http://soundmuseums.spb.ru/gezeta/42-articles/1202-inna-nekrasova>. (Data obrashcheniia: 21.01.2020).

8. Khanzen-Love A. Russkii simvolizm: Sistiema poetichieskikh motivov. Rannii simvolizm: / pier. s niem, S. Bromierlo, A.Ts. Masievicha i A.Ye. Barzakha; nauch. ried. A.V. Lavrov. SPb.: Akademiichieskii proekt, 1999. 507 s.

9. Ghighbabin B.A. Sobraniie stikhotvoriinii / Sost. L.S. Karas- Ghighbabina; Vstup. st. S.N. Buninoi; Kommient. L.S. Karas- Ghighbabinoi, S.N. Buninoi. Kharkov: Folio, 2009. 890 s.

(Статья поступила в редакцию 26 октября 2019 г.)

Козлова Алла Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировой литературы Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0002-2177-7746. E-mail: kozlovaag7@gmail.com.